

МЫ КАЖДЫЙ РАССКАЗ ПИШЕМ КАК ДИЛЕТАНТЫ,
КАЖДЫЙ РАЗ ПО-НОВОМУ.
ЭТО НЕ ПИРОГИ, ТУТ ОДНОГО РЕЦЕПТА НЕТ

рисую, но в основном девять или десять. Стало хотеться сделать лучше, да и Слава постоянно критикует, заставляет переделывать. Всё время учусь.

? Для своих книг вы берёте сюжеты из реальности, у ваших героев почти всегда есть реальные прототипы. А как с картинами?

— Мы берём реальные истории, людей маскируем и добавляем юмора, подтекста, идей и ритма. В каждом рассказе всё своё — солнце, ветер, ход времени. Профессионалы вот как один раз писать научились, так и всю жизнь пишут. А мы каждый рассказ пишем как дилетанты, каждый раз по-новому. Это не пироги, тут одного рецепта нет.

Для картин у меня примерно 500 сюжетов, из которых я делаю серии. Ангелы на моих картинах — не просто ангелы. Они спасают утёнка, котёнка, ребёнка, падающего с крыши, человека, попавшего в пожар. Ангелы бесконечны.

Вот корова. Она не совсем трагическая, но и не совсем сладкая. Это корова из моего детства, она меня постоянно на рогах носила и очень нервничала, когда я к ней приходила надушенная: в кино там шла, или на свидание, выли-

вала на себя духи — так она даст полное ведро молока, потом ногой его оттопнет, меня на рога — и в лес. Но всё равно она нас молоком поила, давала нам сметану и масло. Мы её все обожаем, нашу Милку.

Бабушек своих рисовала. Эти люди были лучше всех. Неграмотные были, я их обеих читать научила, когда в восьмом классе была. Ни во что их не ставила: мне тогда казалось, что я люблю только тех, кто читает Пастернака и Мандельштама. То, что они были лучше всех тех, кто читал Мандельштама, во много раз, я поняла уже лет в 50. Потрясающие были люди: всех жалели, всех прощали, всех любили. Постоянно заботились обо мне: «Ниночка, не мой посуду, ещё успеешь намяться». Таких людей больше нет. Я надеюсь, что теперь они понимают, как я их люблю, как думаю о них постоянно. А в юности не ценила — глупая была очень. Как стала человеком из такой идиотки, до сих пор не понимаю. Однажды я закрыла свою бабушку вместе с младшим братом в детской, потому что родители уехали, а я устраивала вечеринку. Я знала, что она никому не скажет, потому что любит меня, и пользовалась этим, фашистка.

? Наивный художник — это человек, не владеющий искусствоведческой теорией. Вы же — образованный культуролог, читали лекции «Как понимать искусство». И всё же выставляетесь в музее наивного искусства...

— Хотя это и наивные картины, но вот тут под Пикассо сделано, тут под Миро, тут под Ван Гога. Мне казалось, что я выражаю дух мирового искусства. Сын у меня приходит, видит картину и сразу говорит: «Мама, это Матисс!» Так оно и есть, я без влияния не могу, я же не какой-то там гений.

Когда-то я мечтала выйти замуж за Пикассо. Когда он женился на Жаклин, я думала: «Вот зачем он это сделал?! Я бы его на руках носила, борщи бы варила...» А когда он умер, то я прочитала мемуары его жены, как Пикассо сигареты о жену тушил! Есть у меня картина, где я тушу сигарету о Пикассо. Называется «Мой ответ Пикассо». Я большая защитница женщин, и мне кажется, что нельзя так относиться к своей жене. Хотя картины его мне до сих пор кажутся прекрасными.

Я так люблю живопись и так перед ней преклоняюсь, что увижу, как по телевизору мелькнёт «Флора» Рембрандта, так мои картины сразу блёкнут и